

ПИСЬМО

Едва ты сойдешь с корабля на пристани внизу, как сразу почувствуешь ветер Глиммердала. Даже сейчас, в зимние холода, ты его непременно различишь. Просто прикрой глаза. Он пахнет соснами. И елками. А теперь – вперед.

Тебе нужно идти прямо, никуда не сворачивая, мимо закрывшегося киоска, магазина, парикмахерской Тео и дальше всё время вдоль реки.

Поначалу дорога довольно ровная и попадаются дома. Возле одного из крайних стоит экскаватор. Здесь живут Петер с мамой.

Потом снега и леса станет больше, а домов меньше. Дорога делается вдвое уже и вдвое круче.

Очень может статься, ты усомнишься, туда ли идешь (если сомнения не одолели тебя раньше). Но всё в порядке. Едва ты так подумаешь, как сразу увидишь указатель. «Глиммердал» – написано на нем. Ты идешь, как ни странно, правильно.

После указателя первым появится кемпинг. Слушай меня внимательно. Ни за какие коврижки туда не заходи! Не послушаешься – пеняй на себя. Не говори потом, что тебя не предупреждали. Клаус Хаген, владелец кемпинга «Здоровье», такой противный человек, что по-хорошему его надо бы засунуть в стиральную машину и прополоскать ему мозги. Он не понимает шуток и ненавидит детей, особенно если они издают звуки, особенно громкие. А уж если дети разобьют из рогатки

окно в кемпинге (не нарочно, само собой), то их он ненавидит лютой ненавистью! Ребенок, разбивший окно, тоже Хагена не любит, если уж хотите знать правду. Случается, ночью она лежит и думает, не разбить ли еще одно.

Так что если у тебя на плечах голова, в кемпинг лучше не суйся.

За кемпингом лес, снег пригибает ветки почти до головы. Кое-кто называет этот лес Сказочным. За лесом стоит зеленый дом Салли, он на сказку совсем не тянет. Лиловые буклы самой Салли виднеются за горшками в гостиной. Салли тебя уже заметила. Она всегда на посту и всё видит. Будь ты мышкой в маскировочном халате, ты и тогда не проскользнешь мимо ее домика незамеченным. Вздремнуть после обеда она не ложится.

Благополучно миновав дом Салли, ты наконец увидишь мост через реку Глиммердалсэльв. Если перейти на ту сторону и подняться вверх по крутому взгорку, там будет хутор Гунвальда. А если не переходить мост и пойти в горку влево, придешь на хутор Тони и ее семейства. Других хуторов здесь в предгорьях нет.*

Ну вот – ты в Глиммердале. Добро пожаловать!

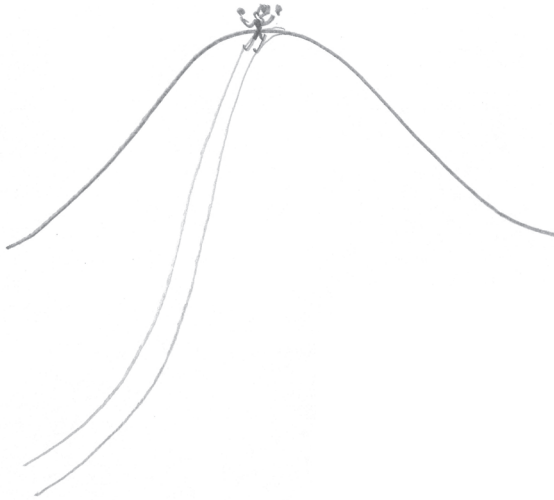
** Норвежский хутор – это большой двор, в центре которого растет высокое дерево, а по периметру стоит много домов и домиков: жилой дом, хлев, сарай, кладовка, гараж, часто еще какие-нибудь домики – прачечная, например. Обычно все дома окрашены в красный цвет, а на крышах часто бывает мох с травой.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Тоня едва не делает сальто на лыжах

Холодными февральскими днями в Глимердале очень тихо. Река не бурлит, она скована льдом. Птицы не щебечут, они улетели на юг. Даже овец не слышно, они заперты в хлеву. Кругом только белый снег, темные ветки и высокие молчащие горы.

Но посреди всеобщей безмолвной белизны чернеет точка, которая собирается как раз сейчас нарушить тишину воплями. Черная точка стоит на горе Зубец в начале длинного и очень крутого лыжного спуска. Точку зовут Тоня Глимердал. Папа ее держит хутор в долине Глимердал, а мама изучает море далеко на море. У Тони грива рыжих львиных кудрей. На Пасху

ей исполнится десять. Она собирается отпраздновать юбилей так, чтобы горы пустились в пляс.

Клаусу Хагену, владельцу кемпинга «Здоровье», который так не любит детей, вроде бы грех жаловаться. Во всем Глиммердале всего один ребенок. А вынести одного ребенка, казалось бы, по силам даже Клаусу Хагену. Но нет. Как раз таких детей, как Тоня Глиммердал, Клаус Хаген на дух не выносит. Что-то в ней есть такое... Короче, постояльцы кемпинга «Здоровье» с первого взгляда понимают, что главная в Глиммердале — Тоня, а у Хагена просто кемпинг в ее долине. К счастью, маленькая повелительница Глиммердала гостеприимна даже сверх меры.

— Тоня, тебе на лбу надо бы написать «Добро пожаловать!», — сказала однажды тетя Идун.

Зимой следы Тони и ее лыж покрывают зигзагами весь Глиммердал из конца в конец.

— Я отпустил ее утром на выпас и жду, что она вернется к вечеру, — отвечает папа Сигурд, когда заглянувшие на хутор соседи спрашивают его, куда он подевал свою дочь, а об этом в Глиммердале спрашивают всегда.

«Гроза Глиммердала» — вот как называют Тонию.

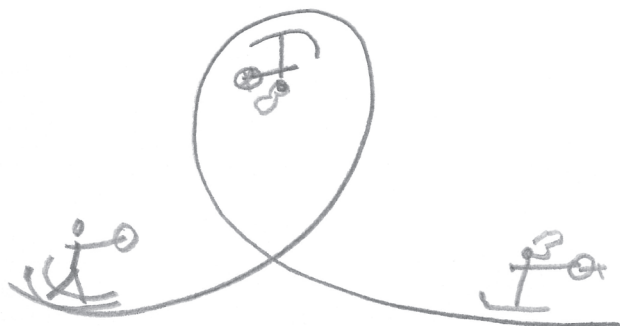
Тоня переступает так, чтобы концы лыж смотрели строго на гребень Стены — отвесной скалы. Сегодня последняя пятница перед каникулами, их рано отпустили из школы, и сейчас еще светло.

— Зимние каникулы — хорошая штука, — говорит Тоня самой себе. — Зимние каникулы и катание с гор.

Спуск к Стене очень крутой. Настолько, что Тоне, стоящей в его начале, нелегко заставить себя тронуться с места, но с другой стороны — так всегда делают тетя Идун и тетя Эйр, когда приезжают домой на Пасху: они стартуют отсюда, с горы Зубец, и несутся на бешеной скорости, так что белая пена снега стоит за ними, как шлейф невесты. С гребня отвесной Стены они прыгают как с трамплина и летят высоко-высоко. Тетя Эйр вдобавок делает сальто.

— Мне для жизни нужны две вещи, — говорит тетя Эйр, — скорость и самоуважение.

Тоня считает формулу тети Эйр очень мудрой. И в отсутствие теток, пока они учатся в Осло, упражняется в вещах, связанных со скоростью и самоуважением.

Но есть одно железное правило: Тоня Глиммердал не делает даже простейшего прыжка на лыжах, если Гунвальд не следит за ней в бинокль из своего окна. В-первых, что за радость прыгать, когда никто на тебя

Тоня летит. Ни разу прежде она не успевала пропеть так много из «Пера-скрипача» во время прыжка. Неслабо, однако, — почти целый припев! Если бы она умела делать сальто, как тетя Эйр, то успела бы сделать три.

«Но сальто я пока делать не умею, а жалко», — думает Тоня, продолжая лететь. «Или уже умею...» — думает она, потому что замечает, что голова у нее там, где должны быть ноги, а ноги — там, где обычно бывает голова.

Наконец, после совершенно замечательного затяжного полета, Тоня шмякается в снег, как шоколадная фигурка в кремный торт. Кругом бело и холодно, Тоня лежит и не знает, жива она или нет. О том же наверняка тревожится сейчас у своего окна Гунвальд. Тоня лежит неподвижно. Потом слышит звук — стук своего сердца. Тогда она осторожно трясет головой, чтобы ее содержимое улеглось на место.

«Это было сальто или нет?» — думает она.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
*в которой Гунвальд и Тоня разговаривают
о том, как было раньше*

Дом, в котором живет Гунвальд, очень-очень большой. У Гунвальда есть хлев и овцы, как и у Тониного семейства, только с его овцами непрерывно случаются неприятности. То они сбегают, то мрут, то объедают тюльпаны Салли. Счастье, что у Гунвальда при этом есть еще столярная мастерская. Благодаря ей он может наслаждаться старостью и попридержать пенсию. Гунвальду семьдесят четыре года, и он лучший Тонин друг.

— Неслабо, однако, — говорит Тоня в мрачные минуты, — закадычный друг у меня — упрямый старый пень. Всё же выбор в Глимердале прискорбно мал.

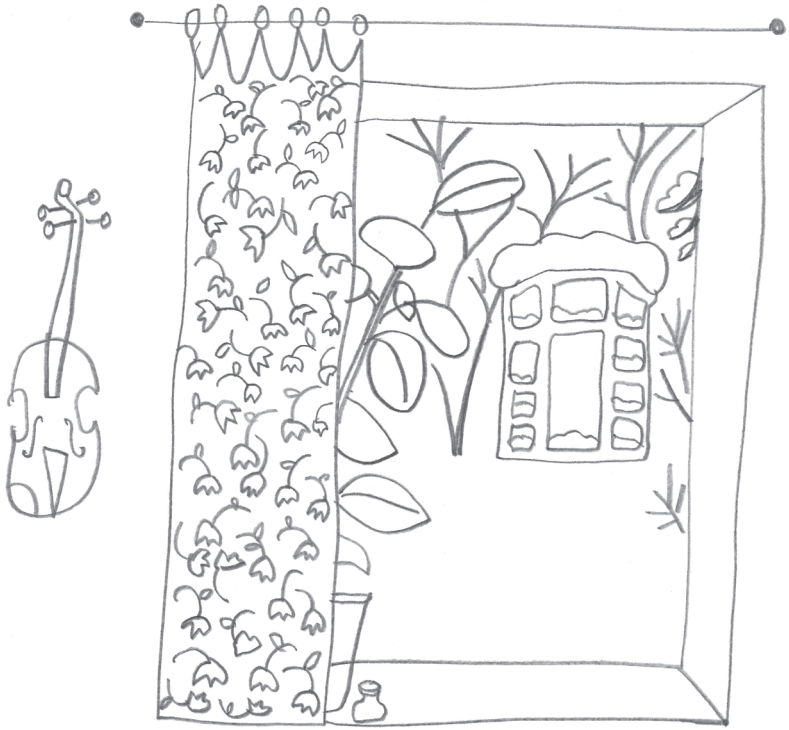
Хотя на самом деле Тоня знает, что не выбрала бы в лучшие друзья никого, кроме Гунвальда, даже если бы в каждом доме Глимердала имелось по ребенку десяти лет. Она любит Гунвальда так сильно, что у нее иногда щемит от этого сердце. Кстати, он ее крестный. Тоня считает, что папа с мамой проявили мужество, доверив огромному лохматому троллю нести ее к купели в день крестин. Если б Гунвальд был не в настроении, он легко мог разжать руки, и она бы шлепнулась прямо на каменный пол церкви. Когда на него находит, от него всего можно ждать, правда. И все-таки папа с мамой хотели, чтобы крестным был именно Гунвальд, и никто другой. Они положили Тоню в его огромные руки, и с той минуты он ее не бросает.

— Гунвальд, что бы ты делал без меня? — часто спрашивает Тоня.

— Я бы сам закопал себя в землю и сдох, — отвечает Гунвальд.

Завидев, что Тоня въезжает на лыжах во двор, Гунвальд биноклем отодвинул занавеску в сторону и высунулся на мороз. Он похож на слегка сутулого высоченного тролля. Раньше он был еще выше, просто ссохся в последние годы. Возраст, ревматизм и прочие дела, а к докторам он не ходит. Он до смерти боится врачей. К тому же стоит Гунвальду засунуть под губу табачку и прижать подбородком скрипку к плечу, как сил у него

делается как у молодого быка. Нет лекарства лучше скрипки, говорит Гунвальд. Зачем нужен доктор, когда скрипка уже есть?

— Это было сальто? — спрашивает Тоня.

— Если это сальто, Тоня Глиммердал, тогда я лось! — хмыкает Гунвальд и спрашивает, обязательно ли Тоне приземляться каждый раз головой об землю, чтобы он непременно пугался, что она разбилась насмерть.

— Похоже, пока обязательно, — уныло отвечает Тоня.

В кухне Гунвальда у Тони есть свое место — у окна, свой крючок для шапки и своя кружка в шкафу. Гунда, черно-белая кошка Гунвальда, приходит потереться о ее ноги.

— Представляешь, у меня зимние каникулы. Э-эх. Помнишь, как было раньше?

— Когда раньше? — спрашивает Гунвальд и достает тарелку для Тони.

Гунвальд живет так давно, что «раньше» может означать какое угодно время.

— Тогда раньше, когда Клауса Хагена еще не было и у нас здесь был обычный нормальный кемпинг, — отвечает Тоня.

Да, это время Гунвальд отлично помнит.

— Что ни лето, там начиналось светопреставление, — говорит Гунвальд.

— Дети приезжали пачками, — говорит Тоня. — Иди себе в кемпинг и собирай детей как чернику, сколько влезет.

Гунвальд помнит и это.

Но потом появился этот мрачный зануда Хаген.

Он приехал, увидел Глиммердал и понял, что это потрясающее место. До того неповторимым показался ему Глиммердал, что он взял и купил кемпинг. Денег у этого Хагена куры не клюют. Он построил в кемпинге новые домики, навел там такую красоту, что Тоня и все прочие жители Глиммердала не могли нарадоваться. Закончив ремонт, он открыл кемпинг снова. «Кемпинг Клауса Хагена „Здоровье“ – самое тихое место Норвегии, – говорится в его рекламной брошюре на первой странице. – Те, кто ищет покоя и тишины, найдут их здесь».

Сначала Тоне всё очень нравилось. Приезжало много людей, ищущих покоя и тишины, а нет ничего приятнее, чем когда сюда в горы приезжают гости. Но одно обстоятельство озадачивало ее, и чем дальше, тем всё сильнее. Почему перестали приезжать дети?

Не в правилах Тони подолгу ломать над чем-то голову, поэтому она села на велосипед, поехала к Клаусу Хагену и так и спросила его:

– Слушай, Клаус Хаген, а почему в твой кемпинг никогда не приезжают дети?

– Потому что в мой кемпинг запрещено приезжать с детьми, – ответил ей тогда Хаген.

– Что-что? – переспросила Тоня.

– Гости кемпинга приезжают послушать, как шумят сосны и бурлит река, а не как плачут, орут и вопят дети, – ответил Клаус Хаген и посмотрел на свои часы.

Тоня стояла как громом пораженная. Ничего хуже этих слов Хагена она в жизни не слыхивала, решила Тоня. Но, как оказалось, она поторопилась с оценкой,

потому что Клаус Хаген тут же легко побил свой прежний рекорд.

— Трулте, то, что я сказал о криках и воплях, касается и тебя тоже.

— Я Тоня, — поправила Тоня.

— Да. Тоня, зачем ты днями напролет голосишь песни? Давай прекращай!

Тоня от изумления прочистила пальцем ухо.

— Ты нарушаешь покой моих гостей, когда с песнями проносишься мимо кемпинга на велосипеде, — сказал Хаген и изобразил на лице вежливую улыбку.

— Ты хочешь, чтобы я перестала петь в собственной долине? — переспросила Тоня, желая убедиться, что поняла правильно.

— Что значит «собственной», — буркнул Хаген раздраженно. — Я рекламирую свой кемпинг как самое тихое место в Норвегии, и будь любезна считаться с этим.

Тогда Клаус Хаген и совершил самую большую ошибку в своей жизни. Никому не дано безнаказанно запрещать грозе Глиммердала петь. Это Хагену сказал бы любой человек. Если бы он спросил, конечно.

— Извини, не могу, — ответила Тоня Глиммердал.

И поехала к себе наверх, распевая так, что молодые деревца вдоль дороги полегли до земли.

После этого случая Тоня петь не перестала. Даже стала петь еще больше, если хотите знать правду. Особенно когда она едет мимо кемпинга. Клаус Хаген — он смотрит на нее как на вредное животное, ну вроде того.

Осенью всё стало еще хуже, потому что Тоня имела несчастье разбить из рогатки окно в кемпинге. Вовсе не нарочно, ясное дело. Она целилась во флагшток. Такой чистый, звонкий звук, когда попадаешь во флагшток. И к тому же это очень трудно. Даже Тоня Глимердал — и та иногда промахивается, когда стреляет по флагштоку.

— Ой, — сказала Тоня, когда зазвенело стекло.

И быстро поехала домой и достала все деньги из копилки. Она положила их в красивую коробочку, которую

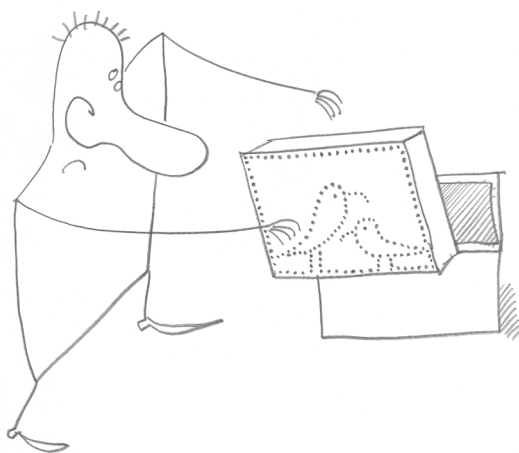
они смастерили с Гунвальдом. И вручила коробочку Хагену вместе с глубокими и подробными извинениями.

Но этот Клаус Хаген не захотел взять коробочку! Вынул деньги, а ее саму вернул, скривившись.

— А это мне зачем? — сказал он.

Зачем-зачем! Мог бы хранить в ней деньги, раз их у него так много, подумала Тоня.

Клаус Хаген чихнул и закрыл дверь.

После того разговора Тоня сдалась и поняла, что пытаться подружиться с Хагеном — дело безнадежное. Потому что Хаген — одна большая безнадега, от макушки до пяток. Отказаться от такой коробочки! Ни один человек во всей Норвегии так бы не сделал! Она промучилась с аппаратом для выжигания всю субботу, чтобы нарисовать птичек на крышке.

— Он ничего не понимает в искусстве, — ответил Гунвальд, когда она рассказала ему всё.

— Он вообще ничего не понимает! — сказала Тоня сердито.

— Этот кемпинг — долина грусти, — говорит Тоня теперь. — Ни одного ребенка!

— Гунвальд, — продолжает она, — все-таки здорово, что я так оживляю твою жизнь, а то сидел бы сейчас и глотал обед совсем один.

Гунвальд усаживает свое длинное тело на стул, и в коленях и в локтях раздаётся хруст.

— Аминь, — говорит он негромко.

Они угощаются жареными котлетами, и жареным мясом, и жареными ребрышками, и Тоня думает: почему еда у Гунвальда гораздо вкуснее всякой другой еды, которую ей доводилось пробовать?

— Знаешь, что там готово к серийным испытаниям? — кивая на мастерскую, спрашивает Гунвальд внезапно, не успев подумать о том, чтобы надо бы сначала проглотить всё, что у него во рту.

Тоня кладет вилку на тарелку.

— Снегокат?

